

А. В. Андронов (Санкт-Петербургский гос. университет)
Н. В. Супрунчук (Минский гос. лингвистический университет)

**ИЗ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
Е. Д. ПОЛИВАНОВА: СТАТЬЯ
«К общefonетическому вопросу о функциях ударения»
(1931)**

К 130-летию Е. Д. Поливанова публикуется рукопись его общетеоретической работы по акцентологии, ранее печатавшейся лишь в значительно сокращённом варианте. Последовательно проводя различие между явлениями «словоударения» и «слогоударения», используя сходные просодические характеристики, Поливанов рассматривает комплекс вопросов их описания. Исследуется богатый материал разноструктурных языков с привлечением диалектных данных (китайского, японского, узбекского, французского и др.), комментируется вопрос о двухполноте ударения в алтайских языках (тюркских, монгольском, корейском), характеризуется акцентологическая специфика эрзянского языка. Публикацию предваряет историко-текстологическая справка, текст рукописи снабжён комментариями.

Ключевые слова: Е. Д. Поливанов, акцентология, ударение, тон, история лингвистики, китайский язык, японский язык, узбекский язык, французский язык, эрзянский язык, алтайские языки.

A. Andronov (St. Petersburg State University)
M. Suprunchuk (Minsk State Linguistic University)

**From Evgenij Polivanov's accentological heritage:
“The functions of accent as a problem of general phonetics” (1931)**

The manuscript of Evgenij Polivanov's study devoted to problems of accentological theory, up to now accessible only in the form of a considerably abridged publication, is published in its entirety to commemorate the 130th anniversary of the author. In spite of the similarity of phonetic realization, Polivanov consistently distinguishes items of word- and syllable-accent. The problems of the bipolarity of Altaic stress (Turkic, Mongol, Korean) and accentological peculiarity of the Erzya language are discussed vis-à-vis a considerable amount of data from structurally different languages and dialects (Chinese, Japanese, Uzbek, French, etc.). The publication includes a historical and textological introduction and commentaries.

Keywords: Evgenij Polivanov, accentology, stress, tone, history of linguistics, Chinese, Japanese, Uzbek, French, Erzya, Altaic languages.

Работу «К общefonетическому вопросу о функциях ударения», написанную в Самарканде в 1931 г., Е. Д. Поливанов направил С. И. Карцевскому в качестве доклада на I международном конгрессе фонетических наук в Амстердаме (3–8 июля 1932 г.). Там её сокращённый вариант «Le rôle sémantique de l'accentuation» был зачитан Р. О. Якобсоном (Proceedings... 1933: 262), а позже, в переводе на немецкий язык, включён в 6-й том трудов Пражского лингвистического кружка, посвящённый IV международному конгрессу лингвистов 1936 года в Копенгагене (Polivanov 1936: 75 сн.). В 1971 г. А. А. Леонтьев опубликовал обратный перевод этого текста на русский язык (Леонтьев 1971: 231; Поливанов 1936/1971). Оригинал доклада сохранился в фонде Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (раздел «Rukopisy cizí: Články, stati, recenze, přednášky, studie», папка [12]¹), он в четыре раза превышает объём опубликованного текста.

В редакции Якобсона сохранены основные теоретические положения Поливанова, но сокращены их обоснования, не включены многие частные (но чрезвычайно интересные) наблюдения над разнообразным языковым материалом, привлекавшимся автором для иллюстрации своих идей; выпущено развёрнутое обсуждение фактов японского и китайского языков (часть их, правда, освещалась Поливановым в других работах²); сделаны некоторые композиционные изменения. Текст руко-

¹ Папки с документами фонда Якобсона не пронумерованы, номер соответствует порядку их перечисления под фамилией Поливанова в описи фонда (Dandová 1995: 4–5).

² Многие имеющиеся в работах Поливанова повторы связаны со стремлением опального учёного так или иначе донести до читателя то, что ему не позволяли публиковать в Москве и Ленинграде — ср. характерные слова в этой же рукописи, адресованные С. И. Карцевскому: «У меня вообще много разных мелочей и крупных вещей, которые я не имею возможности печатать, и чтобы они не пропали — как пропали сотни (буквально!) других моих работ в рукописях — я счёл за лучшее (— не прибавляя никаких претензий и ничего не ожидая в смысле напечатания) посылать их Р. Якобсону и — если Вы тоже не будете против — и Вам» (л. 2об.). Составление предметного указателя к трудам Поливанова является крайне трудоёмкой задачей, которая не может быть решена до полной публикации его научного наследия. В комментариях нам пришлось ограничиться ссылками лишь на те работы, привлечение которых потребовалось для подготовки к изданию данной рукописи.

писи позволяет также обратиться к оригинальным формулировкам Поливанова, которые иногда оказывались недостаточно чёткими в немецком варианте и могли ещё больше удалиться от исходного вида в русском переводе Леонтьева (ср. рукопись, с. 3: «и различия в моментах высоты голосового тона, и различия в силе между слогами одной и той же фразы, и те и другие, идут на потребу коммуникации», немецкая версия Якобсона: «Wir sehen auch, dass die Betonung immer phonologisch ausgenützt wird» (Polivanov 1936: 75), перевод Леонтьева: «Можно видеть также, что ударение всегда используется фонологически» (Поливанов 1936/1971: 190) — Поливанов говорит здесь о просодических характеристиках, что может быть по-немецки передано словом «Betonung», но в русском тексте должно называться не «ударением», а «выделением»).

Статья написана на листах разного формата с обеих сторон. На первой странице дан заголовок «К общefonетическому вопросу о функциях ударения», но ниже следует обведённая Поливановым в рамку заметка «Средне- и северно-хорезмское узбекское *baqa-lar* ‘дети’», занимающая два листа (4 страницы) и сопровождающаяся пояснением: «В обведённом чертой месте — особая маленькая заметка» (не публиковалась).

На обороте третьего листа помета рукой Поливанова:

Заказная (рукопись для доклада на Лингв. конгрессе)

Адрес:

Швейцария Женева

Genève

11, Rue Emile-Young, 11

Institut d'Études Slaves de Genève

M. Professeur Serge Karcevskiy

Адр. отправителя: Самарканд, Зирабулакская 4

УзГНИИ

Профессор Евг. Дм. Поливанов

Текст статьи об ударении начинается с четвёртого листа, имеет авторскую нумерацию страниц, отражаемую в настоящем издании (подстрочные индексы в угловых скобках, отмечающие начало соответствующей страницы). При публикации раскрыты сокращения, исправлены описки, используется современная орфография и пунктуация (но сохранён характерный для Поливанова знак тире после скобки: «...(— ...)...»), подчёркивания, отмечающие в рукописи логическое выделение, заменены разрядкой. При необходимости сохранены технические пояснения Поливанова о структуре текста (печатаются мелким

шрифтом), пояснения издателей заключены в угловые скобки. Ввиду сложной структуры рукописи (в частности, из-за наличия обширных авторских постраничных сносок) публикуемый текст композиционно организован близко к оригиналу: сокращённые самим Поливановым фрагменты не переносятся в сноски, а даются на своих местах (разумеется, с соответствующими оговорками в угловых скобках). Комментарии к содержанию рукописи приводятся в концевых сносках (их номера, в отличие от постраничных сносок самого Поливанова, также заключены в угловые скобки); после комментариев помещён общий список литературы.

Е. Поливанов

К общefonетическому вопросу о функциях ударения

Почему, несмотря на все наличные различия между фонологическими системами различных языков, есть явления типичные и до известной степени нормальные с общefonетической точки зрения, то есть повторяющиеся в чрезвычайно большом количестве (и, вероятно, в абсолютном большинстве) языков? (К таким явлениям могут быть отнесены, например, наиболее частые типы гласных (*a, e, i, o, u*) и согласных (напр., *n, t*; или же хотя бы такой, напр., факт, как участие в фонологической системе по крайней мере одного из так называемых «плавных» согласных: *l, r*). На этот вопрос априорный ответ, естественно, может быть такой: существуют объективные — физико-физиологические — условия, делающие лёгким (т. е. требующим относительно небольших затрат произносительной энергии) и удобным (т. е. достигающим цели: хорошо слышимым и хорошо узнаваемым, т. е. дифференцируемым) определённый артикуляторно-акустический тип, т. е. определённый звук языка (и так как мы можем игнорировать — поскольку это нам действительно позволяют факты — расовые различия в физиологии органов речи и слуха, то условия эти, в общем, оказываются едиными для всего человечества); а с другой стороны, существует и некое, — конечно, весьма относительное, — единообразие тех требований, которые предъявляются семантикой (в широком смысле) к составу фонологической системы: иными словами, число потребных (для выражения идей, т. е. для дифференциации слов и форм) фон. символов^{<1>} может колебаться от языка к языку — лишь в известных пределах (допустим, напр., в пределах

20–80³, а не в таких, напр., масштабах как 2–1500), а потому, ввиду потребности приблизительно в одинаковых (во всяком случае соизмеримых) количествах символов, многие языки выбирают приблизительно одно и то же (или соизмеримое) количество из совокупности объективно лёгких и удобных артикуляторно-акустических типов (звуков языка).

В отношении же акцентуации есть ещё более удобная почва говорить о наличии объективно-предопределённых общезвонительно-нормальных явлений, которые потому <с. 2> и оказываются присущими большинству языков или многим языкам. Конечно, тут надо быть очень осторожным и, говоря о наличии общих моментов (в различных языках), основываться лишь на конкретных (и проверенных) фактах, не забывая, с другой стороны, всех тех различий — как в характере и составе акцентуационных систем, так и функциях акцентуации, — которые характеризуют отдельные — хотя бы и не многие — языки (ср.

³ Конечно, здесь я беру произвольные цифры — исключительно для пояснения моей общей мысли. Но можно утверждать, что апостериорно, то есть на основании изучения состава фонологических систем очень большого числа языков, эти цифры можно было бы сделать и точными. Само собою разумеется, что в таком подсчёте нужно обязательно учитывать все единицы всех категорий фон. символов, т. е. не одни, напр., гласные и согласные фонемы, но и акцентуационные типы слов (поскольку, конечно, в данном <с. 2> языке акцентуация способна дифференцировать слова), так как общеизвестно, что сокращение состава одной из данных категорий (вокализма, консонантизма, акцентуации) сопровождается обычно ростом и даже гипертрофией другой: напр., число фон. символов (способных дифференцировать слова) айнского языка не должно ещё казаться таким незначительным, как об этом можно было бы сделать вывод на основании подсчёта фонем его элементарного вокализма и очень простого (по числу фонем) консонантизма (без принципиального различия глухих и звонких), ибо эта бедность фонем до известной степени компенсируется наличием музыкального Wortakzent'a^{<2>}; другой пример — абхазский язык: его чрезвычайная, исключительная бедность вокализма (если мы примем во внимание основной слой абхазского языка — без заимствованных слов) компенсируется гипертрофией согласных (которые по функциональной своей нагрузке никак уж не будут соизмеримы с единицами русского, напр., консонантизма, почему даже и практический вопрос абхазской графики может быть решаем принципиально иначе, чем для большинства других языков: не по формуле «на одну фонему одна графема»), а с другой стороны — и наличием свободного ударения (ср. словоразличения вроде *ála* — *alá* <‘глаз’ — ‘собака’>).

ниже то, что я говорю о функции ударения в эрзя-мордовском, о характере ударения в японских и китайских говорах). Тем не менее я решаюсь говорить об общих для всех языков моментах, являющихся предпосылками для существования акцентуации, и это общее представляется мне следующим. При наличии полисиллабических фраз (а это условие можно считать, конечно, общим для всех языков мира) на практике неизбежно разл и ч н о е осуществление (хотя некоторых) слогов в составе данной многосложной фразы в отношении силы и высоты их голосового тона; иначе говоря, практически неизбежно, чтобы в составе фразы из n слогов один слог обладал несколько иной силой или иной высотой голосового тона, чем другой (или другие). И я думаю, что можно было бы — совершенно независимо от психологии и семантики — дать мотивировку (и доказательство) только что высказанного положения на основании физиологических данных.

А если это так — если различия и в силе, и в моментах высоты голосового тона нормально существуют между разными слогами фразы и — будучи зависимы от определённых факторов (может быть, чисто физиологических, а отчасти, может быть, и от психологических в связи с семантикой отдельных членов данной фразы) — повторяются в более или менее одинаковом виде при различных повторениях этой самой фразы, то для языка, ищущего экономически выгодных (т. е. не требующих чрезвычайной затраты энергии) символов для выражения наличных в коммуницируемом идей, было бы просто грешно не воспользоваться этими потенциальными средствами смысловой дифференциации, поскольку они — как вытекает из вышевысказанного положения — сами, так сказать, идут в руки языковому мышлению. Отсюда и получается вывод, который можно считать общезвонетической нормой: и различия в моментах высоты голосового тона, и различия в силе между слогами одной и той же фразы, и те и другие, идут на потребу коммуникации.

Но далее возможно уже значительное разнообразие, т. е. выбор различных возможностей (при чем нам можно \leq мы можем), по крайней мере в известных пределах, указать, от каких индивидуальных условий зависит выбор той или другой из этих возможностей):

1° Возможно, что фраза содержит в себе полисиллабические (двухсложные и т. д.) слова. В этих случаях данные акцентуа-

ционные (в широком смысле) особенности отдельных слов могут стать уже признаками слога в составе слова, т. е. в итоге может выработаться словоударение; при этом, в свою очередь, возможны два случая:

а) акцентуационный момент служит общим признаком единицы слова вообще, а не данного индивидуального слова — что имеет место в языках с постоянным ударением. О том, к чему сводится «полезность» этой роли акцентуации, мне придётся говорить потом — в связи с турецким ударением;

б) акцентуационный момент может входить в индивидуальное представление данного слова, служа, следовательно, потенциальным признаком дифференциации слов — так же, как и составляющие это слово гласные и согласные. Пример — русское ударение. Конечно, возможно и дальнейшее деление — в зависимости от того, семасиологизуется ли или же морфологизуется (по крайней мере по преимуществу) ударение в данном языке, но <с. 4> здесь мы на этом не будем задерживаться ^{<3>}.

2° Различия слогов по моменту высоты и по силе существуют во всяком языке. Можно утверждать, что они и используются, и те и другие, во всяком языке. Но неизбежно то или иное размежевание их по различным функциям (а неизбежно оно потому, что во всякой фонации нет одной определённой и постоянной связанности этих моментов: т. е. нигде нет такого положения дела, чтобы момент высоты в полне определялся бы моментом силы данного слова, или, наоборот, — чтобы момент силы в полне определялся моментом высоты). И это размежевание бывает различным в разных языках (вопроса о причинах того или другого вида этого размежевания мы здесь вовсе не будем касаться, — хотя некоторые мысли по этому поводу и могли бы быть высказаны, — ибо этот вопрос в целом — один из серьёзнейших вопросов общей лингвистики и мог бы быть предметом целой монографии). Именно:

а) может быть так, что для роли признака слова (как слова вообще или же индивидуальных слов — см. выше) избирается силовой признак слога. Мелодические же моменты, характеризующие слог, утилизируются для других целей — для выражения фразовых значений (логических⁴ и эмоциональных: напр.,

⁴ И тут возможно, конечно, громадное разнообразие. Напомню, напр., что в языке ботокудов ответ согласован мелодически с вопросом посредством определённого интервала (квинты). У цивилизованных

для выражения вопроса или, наоборот, суждения, для выражения всевозможных чувств и т. п.). Но это вовсе не исключает возможность того, что в известной степени мелодический момент будет подчинён — в том или другом взаимоотношении — силовому моменту: напр., повышение может, в качестве преобладающей нормы, сопровождать экспираторно-ударенный слог (как в русском или эстонском); но может быть и зависимость обратного порядка (примером можно было бы взять норвежский, где экспираторно-ударенный слог ниже неударенного, — если бы норвежский не пришлось относить к другой категории языков, где музыкальный момент тоже участвует в характеристике слова на правах самостоятельного фон. символа);

б) может быть для *Wortdifferenzierung* избран мелодический момент (как в японском языке (Киото, Тоса, Токио, Нагасаки, Аомори, Тоса <повтор> и почти все мои образцы японских говоров)). Тогда, естественно, вторая функция мелодики — в роли фразовой интонации — <с. 5> будет уже значительно суженной (и мы действительно видим её сужение в японском (а с другой стороны, и в китайском) по сравнению, напр., с русским и т. п. языками; с другой стороны, можно показать, что те значения — логического и эмфатического характера, которые в русском и т. п. языках обычно выражаются фразовой интонацией, в японском получают выражение посредством символов из совсем другой — уже не-акцентуационной — категории: обозначаются особыми морфемами; примеры: вопросительный «синтаксический суффикс» *-ka*, «синтаксический суффикс» вопроса с предполагаемым утвердительным ответом: ток. *-ne* || киотоск. *-nḁ*; падеж логического подлежащего (на *-wa* ← **-pa*) в противоположность именительному, выражающему грамматическое подлежащее равное логическому сказуемому или части его; суффикс *-koso* в классическом японском языке || *-du* в рюкюском, который обозначает, что грамматическое подлежащее — логическое сказуемое⁵ <вычеркнуто: и потому

ботокудов эта «мелодика диалога» исчезает^{<4>}. С другой стороны, возьмите русскую фразовую интонацию и её различия по диалектам (напр., в Семиречье).

⁵ Конечно, учитывая эти отличия от русского и т. п. языков, не надо забывать, что можно указать ещё на второй фактор в их объяснении: на постоянный (в принципе) порядок слов (мешающий выразить логический характер грамматического подлежащего посредством переста-

требует глаголы в атрибутивной форме>, наконец, вопросительные формы глагола в рюкюском⁶ и многое другое). Тут мы опять-таки можем констатировать возможность некоторой увязки принудительно-важного (в роли Wortakzent'a) мелодического момента с моментом силы, который в известных пределах подчиняется ему: так в токиоском говоре усиление обычно сопутствует повышению (хотя разница от русских фактов — где повышение сопутствует усилению — вполне несомненна и может быть доказана посредством лёгкого психофонетического эксперимента). Можно, пожалуй, подыскать и некоторые формы зависимости между определёнными типами музыкальной акцентуации (полиакцент, моноакцент, нисходящее повышение в *asâ* <'утро'> и т. п.) и моментом силы и для киотского, и вообще западнояпонских говоров. Но основной вывод, который из фактов этого языка придётся сделать, — это то, что характеристика данной зависимости составляет индивидуальную черту данного языка, resp. диалекта. Иначе говоря, несмотря на наличие общечеловеческих физиологических предпосылок для известного параллелизма явлений высоты и силы (предпосылок, которые хорошо известны каждому фонетику), индивидуальному языку здесь предоставлен большой выбор конкретных возможностей (т. е. разнообразное оформление зависимостей между музыкальным ударением слога и его силовой стороной). И наконец, не надо забывать, что силовой момент может иметь (и фактически имеет) своё специальное назначение — для фразовой <с. 6> характеристики (и вообще для значений, не входящих в значения отдельных слов): для так называемого логического ударения и т. п.

3° Возможен и такой случай, когда ни мелодический, ни силовой момент не будет использован в роли Wortakzent'a (ни для отметки единицы слова вообще, как в языках с постоянным ударением, ни для дифференциации индивидуальных слов). И тогда оба эти момента будут в распоряжении фразовой фонетики.

новки слов, как в русском и т. п.). Но это не устраняет и зависимости от вышеуказанного момента (т. е. от того, что мелодика имеет уже свою большую нагрузку — именно роль Wortakzent'a).

⁶ Которые, кстати, совсем неверно этимологизированы Chamberlain'ом (Trans. As. Soc. Jap. Vol. XXX <= XXIII> Supplement) <Chamberlain 1895: 41–42, 85–87>^{<5>}.

Случай этот, без сомнения, не типичен. Можно было бы и a priori указать, что, поскольку есть определённая потребность (в Wortakzent'e — в чём она реально состоит, будет сказано ниже при вопросе о турецком ударении) и предоставляются — на основании того положения, с которого я начал, — <средства> удовлетворить эту потребность, нормальным будет её удовлетворение и ненормальным неудовлетворение. Но достаточно и эмпирических данных: я знаю только один конкретный случай такого языка (языка без Wortakzent'a (в обоих возможных смыслах этого термина)): эрзя-мордовский, т. е. эрзянское наречие мордовского языка, в котором действительно нет ни постоянного ударения, ни дифференциации слов посредством ударения (и любое слово может получать ударение на любом слоге, а может произноситься и без акцентуационного выделения какого-либо из слогов⁷). Конечно, этот исключительный случай должен найти себе объяснение, т. е. при обследовании его должны быть обнаружены специальные факторы, отличные от факторов генезиса акцентуации других языков. Ниже я изложу свою попытку объяснить это — единственное в своём роде — явление из особенностей исторического развития эрзя-мордовского наречия.

4° До сих пор мы имели дело с языками, допускающими полисиллабические слова. Но ведь могут быть (или, по крайней мере, могли быть) языки, в которых слова были односложными или исключительно, или по крайней мере в виде доминирующей нормы. <с. 7> Во всяком случае допустить существование моносиллабического языка, в котором принцип моносиллабизма был бы применим и к слову, а не только к морфеме, как в современном китайском живом языке, мы имеем основания. (За это говорит нам уже письменный китайский язык <далее до конца абзаца вычеркнуто с пояснением: «Пропускаю, чтобы не втягивать в новую проблему, которую кратко рассказать нельзя. Е. П.»> — например, язык «Пятикнижия», язык Мэн-цзы и Конфуция,

⁷ Беру пример из моей и А. Рябова работы об эрзя-мордовском языке^{<6>}. Ребёнок может позвать свою мать «Мама, мама» на следующие акцентуационные лады: 1) *ávaj ávaj*, 2) *aváj aváj*, 3) *ávaj aváj* (и, кроме того, возможно, конечно, ровное или безударное произношение слова). Но сказать *aváj aváj* он не может, ибо тут был бы нарушен закон фразовой акцентуации, согласно которой два ударения не могут приходиться рядом (на смежных слогах).

k'o: 'сутра', *'ho:* 'закон'; в Киото присоединяется редкий 4-й тип: *ho:* $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}$ 'щека'), это явление нужно признать для японского языка исключительным (в известной мере аномальным) и в значительной мере наносным (т. е. имеющим место главным образом в принесённых из китайского языка словах): число односложных слов (даже из двух мор) в японском языке невелико, и громадный процент из них составляют именно китаизмы. Поскольку же мелодия двухморного долгого слога фигурирует как часть мелодической характеристики многосложного слова, она уже не составляет ничего особо отличного от нормальных явлений японской акцентуации (т. е. от таких мелодических фигур, как $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}\text{f}$, $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}\text{f}$, $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}\text{f}$, $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}\text{f}$ и т. п., где каждое \leq каждая нота \geq соответствует одноморному слогу): тут только будет вместо двух одноморных слогов подставлена равновеликая величина в виде одного двухморного слога (т. е. $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}\text{f}$ вместо $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}\text{f}$, $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}\text{f}$ вместо $\overset{\frown}{\text{f}}\text{f}\text{f}$ и т. д.);

3) различие односложных слов (одноморных и двухморных) в Нагасаки и, с другой стороны, своеобразное различие односложных слов (без дифференциации по долготе) в северо-восточных <говорах>. Но как было уже указано, односложные слова — аномалия (и в большинстве случаев — китайские заимствования <вычеркнуто: а для данных говоров в особенности — по сравнению, напр., с Киото>).

Итак, представление мелодии внутри слога в японском языке окказионально (и в значительной мере приходится за счёт китаизации японского языка), в китайском же языке это норма и закон⁸. <с. 9>

Остаётся указать, однако, что в некоторых (южных) китайских говорах к представлению движения (или отсутствия движения — ровности) голосового тона в слоге прибавляется ещё абсолютная характеристика данного тона — в качестве низкого, высокого и т. д. Иначе говоря, данная мелодическая фигура выполняется или отправляясь от низкого, или от высокого начала. И при желании в этом можно было бы найти параллель к японской характеристике слога в качестве высокого или низкого по тону. Но это было бы, конечно, педантизмом. То обстоятельство, что этот второй признак южнокитайских «тонов»

⁸ А кроме того, ведь мелодия внутри слога в односложных японских словах, с точки зрения самого японского языка, есть не что иное, как частный (и притом) редкий случай *Musikalischer Wortakzent*'а опять-таки.

осуществляется лишь вместе с первым, говорит лишь о значительной сложности данного «Musikalischer Silbenakzent'a»^{<7>}, но никак не делает из него «Musikalischer Wortakzent'a». Подобное же осложнение (или привесок) китайская тональность получила и в виде так называемого 5-го тона (осуществляемого в виде «импловивной гамзы» в исходе гласного: $V^? \leftarrow *Vp, Vt, Vk$, напр., в южномандаринском), и с исторической точки зрения дифференциация тонов по признакам «высокий — низкий» должна рассматриваться именно как надбавка к той системе «тонов», которая исчерпывалась именно моментами движения (или отсутствия движения) высоты в слоге (различение «высокий ~ низкий тон» заместило собою различение категорий начальных согласных «глухой ~ звонкий согласный»).

Что же касается силового ударения, то по мере перехода от языка моносиллабических слов к дисиллабизму (и полисиллабизму) современного китайского языка (который остаётся моносиллабическим лишь в смысле моносиллабизма морфемы), функция фразового (или логического) ударения естественно должна была частично перейти в морфологизацию. В итоге и оказывается, что силовое ударение (Expiratorischer Wortakzent) является в современном китайском языке морфологизованным, а «тональность» (Musikalischer Sylbenakzent) — исключительно семасиологизованной^{<3>}. К этому прибавить нужно ещё специфическую увязку обеих этих категорий акцентуационных символов: «тон» (Musikalischer Sylbenakzent) нивелируется в неударенном слоге, т. е. музыкально-акцентуационный признак данного слога-морфемы оказывается факультативным и обязательно осуществляется лишь при экспираторной ударенности данного слога.

ПРИМЕЧАНИЕ. Говоря о естественной связи между моносиллабизмом и «тональным», т. е. внутрислоговым характером музыкального ударения, я отнюдь ещё <с. 10> не затрагивал историко-фонетического вопроса о первоначальном генезисе китайских (или, вернее, «тибето-китайских» = по терминологии других: «индо-китайских») тонов. Как произошёл этот отбор удобных для моносиллабического состояния фонетических представлений (первоначальных «тонов») — это вопрос другой; мне же здесь важно было указать, что он вообще должен был произойти при наличии принципа моносиллабизма слов. Если же здесь допустимо затронуть вопрос об историко-фонетическом генезисе «тонов», то я не считаю возможным отрицать здесь допустимость такого же превращения мелодии

комплекса слогов в слоговую мелодию (какое мы видим в конкретной истории отдельных японских слов, ставших из дисиллабов моносиллабами (напр., **porô* → киот. *ho:* или , или же гораздо более чистые случаи: ${}^{\prime}CV(C)V \rightarrow {}^{\prime}CV_{\cdot}$; $CV(C)V \rightarrow CV_{\cdot}$; и т. д.). По мере перехода из домоносиллабической стадии в моносиллабическую подобная же метаморфоза «Wortakzent → Sylbenakzent» в принципе допустима и в предке китайского языка.

<Приписка Поливанова:> С<ергей> К<арцевский> и Р<оман> Я<кобсон>. Все выпуски, сокращения, изменения и проч., конечно, предоставляются Вам *ad libitum* — в этом отношении всё *نختيار سزگ* <узб. *ixtiyor s(i)zg(a)* ‘воля вам’>, то есть Вам полная *carte blanche* предоставляется автором. Евг. Поливанов <с. 11>

5°. В области явлений акцентуации, как и в других категориях языковых явлений, мы можем встретиться с фактами пережитков или реликтовыми чертами, состоящими в том, что определённое акцентуационное явление, созданное чрезвычайно давно — в эпоху иной ещё морфологически-фонетической структуры в предке данного языка, продолжает своё существование (в силу традиции, т. е. по закону исторической инерции), несмотря на то, что нормально-сопутствующие (и генетически-связанные с ним) черты языкового строя уже давно отмерли. К таким явлениям могут быть, может быть, отнесены некоторые черты латышской акцентуации, напр. мелодические признаки неударных (долгих) гласных (тогда как в большинстве прочих индоевропейских языков вообще исчезли музыкальные моменты Wortakzent’a), а с другой стороны — и так называемое «прерывистое» ударение (напр., латышск. *ne’e* ‘нет’), тоже исчезнувшее в других языках⁹. Вопрос о том, почему эти архаические черты уцелели именно в данном языке или в данной группе языков, мне кажется, можно решить исходя из общего положения, что чем меньше гибридизационных примесей (и сдвигов) пережила история данного языка, тем более в ней предоставлено места традиции (исторической инерции) и тем более, следовательно, данных для подобных «пережитков» (балтийская же семья языков мне представляется «наиболее индоевропейской» с только что указанной точки зрения).

⁹ Его наличие в ливском (который, конечно, к индоевропейским языкам не принадлежит) я склонен объяснять за счёт латышского влияния.

6°. Особую фонологическую проблему составляет соотношение различных акцентуационных явлений с количеством (долготой resp. краткостью) гласных (а также, в известных, по крайней мере, языках — напр., в эстонском — и согласных). Весьма ценные обобщения в этой области сделаны Р. Якобсоном в его книге «Remarques...» <Jakobson 1929/2002: 22–23>^{<8>}. Бесспорно правильное наблюдение, что наличие музыкального ударения благоприятствует существованию различий «долгий ~ краткий» гласный, могло бы, мне кажется, найти и известную априорную (общefonетическую) мотивировку.

Однако относящиеся сюда факты различных конкретных языков иногда бывают чрезвычайно разнообразны. Можно, например, указать на северо-восточные говоры японского языка (с музыкальным Wortakzent'ом), в которых отсутствует принципиальное различие долгих и кратких гласных («нормаль-
<с. 12>но-японские» — напр., имеющиеся в токиоском, киотоском, тосаском, а также нагасакском и т. д. — долгие (возникшие из стяжения двух слогов) гласные совпали в данных говорах с краткими¹⁰); и тем не менее эти (северо-восточные) говоры могут быть привлечены — косвенно — для показания в пользу вышеуказанного обобщения (что «наличие музыкального ударения благоприятствует существованию — здесь: образованию — различий „долгий ~ краткий гласный“»): в зависимости от различных типов музыкальной акцентуации в них развились (хотя ещё и не стали независимыми различиями) новые количественные различия гласных (напр., в *hana*^{<9>} ‘нос’ в отличие <от> *ha'nā* ‘цветок’ (беру пример из диалекта, где **ra* дало уже *ha*, как в токиоском, а не *φα*; поэтому и пишу *hana*, но не *φана*)).

По другому из относящихся к данной общей проблеме («Акцент и количество») вопросов — об увязках между акцентом и (зависимой от акцента) степенью длительности ударного гласного, — в свою очередь, обнаруживаются сильнейшие расхождения между отдельными языками. Упомяну про два только случая: русский и эстонский. В русском, как известно, ударенный гласный длительнее неударенного; в эстонском — наоборот: по крайней мере в двусложных словах из двух принципиально кратких слогов (напр., *pime* ‘темно’) первый, ударенный,

¹⁰ Параллельно с сокращением и других видов долгот (стяжением gemинированных, или долгих, согласных; даже в таком, между прочим, виде, как *пта* → сев.-вост. *та* ‘лошадь’; *пте* → сев.-вост. *ти* ‘слива’).

гласный (*i*) произносится — обычно — с меньшей длительностью, чем второй — неударенный (*e*) и имеющий при этом более низкий голосовой тон (при изолированном произношении слова).

На первый взгляд казалось бы, что физиологические данные должны были бы предопределить некоторую общую норму таких увязок (между акцентом и количеством гласного), т. е. один и тот же вид зависимости (между акцентом и зависимым от него количеством ударенного гласного в отличие от неударенных). Но на самом деле этого нет: на практике дело обстоит гораздо сложнее. Да мы и должны будем согласиться с тем, что так именно и должно быть (т. е. что должна иметь место значительная сложность и разнообразие этих явлений, а не одна общая и обязательная для всех языков формула): потому что физиологически-увязываемыми оказываются фактически не 2, а целых 3 момента: сила, высота голосового тона и количество (долгота resp. краткость) гласного.

<Пояснение Поливанова:> И тут конец главы (½ работы) <с. 13>

<Пояснение Поливанова:> Копия 13-й страницы <13-я страница представлена, таким образом, дважды: начисто переписанная и черновик.>

* * *

Как видно из сказанного, общими для всех или для громадного количества языков (эрзянский — особо!) положениями в отношении акцентуации являются только следующие.

1. Язык не может не утилизировать силовые и мелодические моменты слога.

2. Утилизуя их, язык разграничивает сферу функций силовых и мелодических моментов¹¹ (а с другой стороны, и вырабатывает известные нормы увязки и относительного параллелизма между этими моментами). Выполнение этого разграничения (и выработка норм «увязки») составляет индивидуальную особенность отдельных языков.

3. Во всех случаях, кроме одного (— эрзя-мордовского), все известные мне языки используют акцентуацию для характеристики слова — притом в двух различных формах (— ¹) в виде постоянного ударения и ²) как средство для дифференциации слов).

¹¹ Думаю, что это разграничение функций доказуемо и в отношении эрзя-мордовского (хотя и в пределах фразовой фонетики только).

Остаётся спросить, в чём же состоит эта последняя функция (и мы вправе сказать — основная функция акцентуации) и прежде всего именно в чём состоит то, что оказывается общим для обеих данных её форм?

Общая черта здесь, конечно, имеется (несмотря на все различия в прочем): она состоит в обозначении (символизации) единства слова (комплекса, являющегося словом) посредством единства приходящегося на данный комплекс акцентуационного момента.

Действительно, если мы постараемся сделать обобщение из самых различных систем словоударения (таких, напр., различных, как турецкая, монгольская, корейская, французская, польская, эстонская, норвежская, шведская, вотская^{<10>}, мокшамордовская, немецкая, английская, русская, японские — в различных говорах, китайская (беру для примера северно-китайский)), то вывод будет именно таким: на каждый комплекс, фигурирующий в данном языке как слово (и как акцентуационное слово в частности), приходится одно, и только одно ^{<с. 14>} «ударение», — чем бы ни являлось «ударение» в данном языке и на каком бы участке данного слова оно ни было локализовано.

Относительно большинства из упомянутых языков (напр., русского, немецкого, английского, норвежского, шведского, эстонского и т. п.) то положение, что единство ударения (силового или же — если оно есть, как в шведском, — и единство музыкального ударения) соответствует единице слова, не нуждается, по моему мнению, в особых доказательствах. Некоторые оговорки (разъяснения) уместны, пожалуй, лишь в отношении 1) разных японских говоров, 2) в отношении китайского языка, 3) французского языка и 4) «алтайских» языков, и именно: турецких, монгольских, а также корейского (который, по моей гипотезе, тоже относится к «алтайским»).

Принцип «на одно слово — одно музыкальное (обычно сопутствуемое — в токиоском — в то же время некоторым усилением) ударение» ясен в отношении такого японского говора, как токиоский. Здесь оговорка нужна главным образом по поводу так называемых факультативно-безударных слов («дзэнхэев» [зеҗһе:]^{<11>}, напр. *kodoto* ‘ребёнок’, Nom. *kodomiŋa*, *hana* ‘нос’, Nom. *hanaŋa* и т. п.). Это слова, квалифицируемые музыкальным ударением на последнем слоге (или последней мере), а потому, на основании закона о факультативности конечного

ударения, способные утрачивать (нивелировать) своё ударение (повышение и усиление¹² последней моры) в определённых произносительных условиях. Иначе говоря, здесь дело обстоит так же, как в аттическом говоре древнегреческого языка (конечное *τό* → *τὸ* в определённых позиционных условиях данного слова).

Разумеется, это «мнимое исключение» нисколько не препятствует признанию закона «на одно слово одно ударение» для токиоского говора, ибо здесь речь идёт не о факультативности самого акцентуационного признака (т. е. не о том, что некоторые слова не имеют, дескать, акцентуационного признака), а лишь о факультативности осуществления этого признака в определённых произносительных условиях для определённого класса слов. <с. 14а>

Кроме вопроса о «дзэнхях», следовало бы здесь упомянуть и о безударности некоторых оппелелённых форм *verbi finiti* (в токиоском) — вроде *arimas* 有又入 <‘имеется’> и т. п. Но описание относящихся сюда фактов довольно сложное, и потому целиком разобрать их (чтобы сделать конечный вывод, — что и эти факты не препятствуют признанию общего принципа «на одно слово одно ударение» для токиоского) мне здесь не удастся. Во всяком случае формы вроде *arimas* не являются «дзэнхьями» — по крайней мере с исторической точки зрения (в противном случае форма **arimasu* имела бы факультативное ударение на слоге *su*, и конечное *u* (выпадающее, как и *i*, в постспирантной, resp. постаффрикатной позиции при *u* с л о в и и н е у д а р я е м о с т и !) не исчезало бы; а между тем оно окончательно исчезает именно в формах на **-masu* → токиоск. *-mas* (как и в суффиксе именного сказуемого **-desu* → токиоск. *-des*) — в связи с морфологической нулизацией признака *Praesentis* — морфемы *-u* в составе данных суффиксаций). Носителем ударения в *arimas* и т. п. следует считать комплекс *ma*, хотя в связи с синтаксической позицией данных форм (ср. безударность *verbi finiti* в ведаическом санскрите и, по-видимому, в индоевропейском праязыке (где типичной позицией *verbi finiti*, как и в японском, был конец фразы); ср. также отголосок этой безударности и.-е. *verbi finiti* в аттической акцентуации

¹² Впрочем, это даже не окончательная утрата ударения: так, гласные *u*, *i* (краткие) на конце «дзэнхэев» не способны оглушаться и редуцироваться, как в настоящих неударенных слогах при прочих равных условиях.

глагола) это ударение обычно и не осуществляется или — может быть, вернее будет сказать — весьма слабо осуществляется: мой объект наблюдения и учитель токиоского диалекта (прекрасно образованный г. Ходзуми) высказался по поводу акцентуации *arimas* и т. п. так: «Если в этих глаголах (глагольных формах) вообще имеется ударение, то оно, конечно, приходится на *ta*». Во всяком случае *a* третьего слога (в *arimas*) осуществляется (при условии более или менее ровного голосового тона всех трёх слогов) с известным преимуществом в отношении силы (т. е. в отношении динамического момента акцентуации) по сравнению с прочими двумя гласными этого слова; это отмечается и русским обывательским слухом — токиоское *arimas* русскими воспринимается обычно именно как ударенное на третьем слоге.

Таким образом, здесь мы опять-таки (как и в отношении токиоск. «дзэнхэев») имеем дело не с отсутствием самого акцентуационного признака (Wortakcent'a) в составе представления слова, а лишь с комбинаторно-факультативной минимализацией физического осуществления этого признака, притом в таких же, в общем, условиях, в каких наблюдалось исчезновение музыкального ударения в древнейших индоевропейских языках. <с. 15>

Несколько иначе обстоит дело в западнояпонских говорах (примерами которых у меня будут служить Киото и Тоса). Здесь приходится оговорить уже 4 момента: 1) наличие «полиакцента» — напр., киот. *'tame'na* 'здоровый'; тосаск. *'nama'du* 'сом', *o'sagi'* 'заяц'; киот. и тосаск. *'kodomoto* 'ребёнок тоже, дети тоже' — Additiv от *'kodomoto*); 2) тип слов «тайра» (киот. и тосаск. *'hana'* 'нос', *'kodomoto'* 'ребёнок'); 3) факультативную (сандхическую) возможность «низких тайра» вместо киотоских окситонных — в киот. говоре (например, *'hasiŋa, 'sarani'* ^{<12>} вместо *hasi'ŋa + 'sarani'* 箸が皿に 'палочки для еды на тарелке'); 4) наличие второго — эмфатического — ударения в киотоском (*'a_bura'wa...* вместо *'a_burawa* (— Cas. Subject. от *'a_bura* 'масло' в начале прерванной фразы, перед паузой)).

1) Наличие полиакцента, то есть примеров высокого голосового тона, занимающих более одной моры (2, 3, 4, 5, 6 и т. д. мор или слогов; а иногда — в типе «тайра» — охватывающих даже весь состав, т. е. всё число мор, данного слова: *'hana'*, *'kodomoto'*, Instrum. *'hanade'*, *'kodomode'*) несколько не противоречит принципу «на одно слово одно ударение».

Только тут само понятие «ударения» нуждается в комментировании, будучи более широким, чем в токиоском (или, напр., в русском, немецком и т. д.): западнояпонское ударение есть один период высокого голосового тона, который может быть количественно различным: может занимать <сверху надписано: охватывать> и 1 мору¹³, и 2, и 3, и 4, и 5, и 6 и т. д. мор или слогов, а иногда и всё число слогов (или мор) данного слова. Но как к моноакценту, так и к полиакценту применимо правило: <с. 16> «в одном слове высокий период голосового тона может и должен быть только один»: два периода высокого тона (т. е. два ударения) в состав фонетического представления слова войти не могут (т. е. не может быть таких акцентуационных типов слов, как [ˈmʌʌʌʌ, ˈmʌʌʌʌ, ˈmʌʌʌʌʌ и т. п.). Этому, конечно, нисколько не противоречит то, что некоторые Neocomposita могут произноситься то с одним, то с двумя ударениями: это значит, что в первом случае они фигурируют уже как одно слово, а во втором случае — ещё как два разных акцентуационных слова¹⁴. Равным образом не противоречит и такое, аналогичное же явление: четырёхсложные редупликационные *onomatopoētica*, обычно произносимые с ударением на первом слоге (напр., ˈpiːkaːrika, ˈguːruguːru, ˈbuːrabura и т. д., и т. д.) могут иметь повышения на 1-м и на 3-м слогах (ˈpiːkaːpiːka, ˈguːruːguːru и т. д.); но это означает только, что в последнем случае они будут произносимы как два акцентуационных слова (напомню, что за известную самостоятельность второго <с. 17> повтора в этих *onomatopoētica* говорит и признак *g/-ŋ* (в киот., ток. и т. п.) в анлауте — инлауте: вопреки ожиданиям *guruguru*, *gizuguzi* и т. п. имеют во второй своей части не *ŋ*, но *g* — т. е. и с точки зрения этого признака вторая часть может рассматриваться как самостоятельное (хотя бы факультативно!) слово)^{<13>}.

2) Тип «тайра» — это вовсе не безударные слова: наоборот, они целиком состоят из высокого периода. И, конечно, этот высокий период — только один.

¹³ А при «нисходящем повышении» (˘) в киот. даже половину моры: *asá*・*ŋ*.

¹⁴ Подобные переходные явления между одним сложным словом и комплексом из двух слов должны иметь место во всяком языке и во всякую его эпоху, ибо процесс универбации определённых (ранее из двух слов состоявших) комплексов имеет место всегда и всюду. И в любом языке мы можем натолкнуться на различные стадии этого процесса.

3) В факультативных «низких тайра» (в Киот.), представляющих собою сандхический дублет (вариант) киотоских окситонных (*hasiŋa* *ˈsarani* вместо *hasiˈŋa* + *ˈsarani*) — перед высоким началом следующего слова (и при условии отсутствия паузы между этими словами), — мы, действительно, встречаемся с безударным (— без высокого периода) произношением слова. Но это опять-таки (как и в токиоских «дзэнхэях») не отсутствие акцентуационного признака в представлении слова, а лишь факультативность осуществления акцентуационного признака (— именно конечного моноакцента) в определённых сандхических условиях.

4) Наконец в таких случаях, как киот. *ˈa₁buraˈwa...* вместо *ˈa₁burawa*, мы имеем дело не со 2-м ударением (высоким периодом) в составе фонетического представления слова, а с привхождением совсем особого <с. 18> (инородного) фактора: фразового ударения. В произношении *ˈa₁buraˈwa...* к Wortakzent'у (т. е. к акцентуационной характеристике слова как такового) относится только первое повышение, второе же (повышение и усиление на *-wa*) — это фразовое ударение.

Равным образом нетрудно убедиться, что и в прочих акцентуационных системах японских диалектов (в том числе, напр., и в нагасакской дуалистической системе — из баритонного и окситонного типов слов) мы опять-таки встречаем ясно выраженный принцип: «одно ударение (повышение) на одно слово». (Для нагасакского можно было бы сказать и так: «Один *taxi-tim* высоты голосового тона (с сопровождающими его и зависимыми от него мелодическими явлениями в смежных слогах) на одно слово».)

И тем более — уже без всяких оговорок — применим вышележащий общий принцип («на одно слово одно ударение») к экспираторно-ударяемым словам рюкюского языка (говора Нāфа [na:фа]).

К современному китайскому (в частности, северно-мандринскому) языку принцип «на одно слово одно ударение» применим в двояком отношении: и в отношении силового ударения (Wortakzent'a), которое приходится на один лишь слог многосложного (в элементарных случаях — двусложного) слова, и в отношении музыкального Sylbenakzent'a (— «тона»), который с ясностью осуществляется именно лишь в экспираторно-ударенном слоге и нивелируется, в виде общего правила, в прочих слогах.

По поводу первого (— силового Wortakzent'a) нужно указать, <с. 19> прежде всего, что нормой современного китайского языка является полисиллабическое (в элементарном виде — дисиллабическое) сочетание и именно (если мы оставим в стороне менее частые случаи дисиллабов типа «лексическая морфема + аффикс») Compositum из двух (и более) лексических морфем, каждая из которых составляет слог. Морфологическая же характеристика этих ди- и полисиллабов (а вместе с ней и логическое соотношение составляющих их морфем) указывается: 1) порядком сочетания данных морфем-слогов в Composito, 2) местом силового ударения — на том или другом из этих слогов.

Уже из сказанного можно сделать вывод, что современное китайское слово, в виде нормы, неадекватно в семантическом отношении единице слова в русском и т. п. языках; но, как бы то ни было, в акцентуационном отношении словом является именно это дисиллабическое или полисиллабическое сочетание (а не часть его — морфема-слог), и потому в вопросе об ударении в современном китайском языке мы должны иметь дело именно с этой величиной (или с равновеликой ему, т. е. опять-таки многосложной величиной «лексическая морфема (resp. лексические морфемы) + аффикс»). И вот тут-то, принимая во внимание вышеуказанную морфологическую функцию силового ударения, мы можем сделать вывод: «одно слово имеет одно силовое ударение». Этому, конечно, не противоречит существование известного числа односложных слов (они есть ведь и в русском языке), ни наличие разных <с. 20> переходных случаев между комплексом из двух слов и одним «словом» — с вышеуказанной, т. е. современно-китайской — точки зрения.

Наличие же нивелировки «тона» (музыкального Sylbenakzent'a) в неударенных слогах дисиллабического и полисиллабического слова (— в слогах аффиксов, или в тех слогах — лексических морфемах, на которые не падает силовое ударение) позволяет нам устанавливать закон «одно ударение на одно слово» и в отношении музыкального ударения (musikalischer Sylbenakzent'a). Правда, тут есть многое, что пришлось бы оговаривать, напр., не говоря уже о переходных (между 2 словами и 1 словом) случаях, следовало бы упомянуть о том, что музыкальная характеристика неударенной морфемы-слога всё же существует (по крайней мере известна в мышлении говорящего (— уже потому, что данная морфема в других — другого морфологического типа — Compositis встречается в ударенной

позиции), а в силу этого при определённых произносительных условиях — при особо внятном и раздельном произношении — осуществляется и в составе данного слова (ср. «прояснение» неударенных субститутов русских гласных в «настоящие гласные» при чеканной фонации русских слов, когда мы каждый слог произносим как ударенный)^{<14>}. И с исторической точки зрения эта факультативность тоноосуществления в неударенной морфеме становится легко понятной, если мы примем во внимание переход от древнекитайского «моносиллабизма слов» (где каждый ^{<с. 21>} моносиллаб-слово, хотя бы и логически (т. е. фразово) неударенный, обладал мелодической характеристикой: музыкальным Sylbenakzent'ом) к современному полисиллабическому языку. Но как бы то ни было, каковы бы ни были эти отголоски прежнего состояния, вышеуказанное явление — утраты (или нивелировки) «тона» в неударенных слогах — может утверждаться в качестве нормы без всяких сомнений (оно отмечается¹⁵ и всеми современными грамматиками китайского языка). А следовательно, в качестве нормы приемлемо и правило: «на одно (многосложное, а само собою разумеется — и односложное) слово — одно музыкальное слогуударение».

По поводу французского языка подлежит разъяснению лишь то понимание «акцентуационного слова», которое я считаю возможным применить к этому языку и которым считаю возможным руководствоваться при делении французских фраз на слова. Дело в том, что по вопросу «какие именно комплексы являются словами во французском языке?» мне пришлось констатировать значительные расхождения у различных лингвистов (в частности, между мною и некоторыми лингвистами Москвы). ^{<с. 22>}

¹⁵ Хотя и не всегда с достаточной ясностью. Напр., в японских (да и в некоторых европейских) грамматиках современного китайского языка говорится, что тон неударенного слога переходит в «первый тон» (первым же тоном в пекинском диалекте считается ровный тон). Это, конечно, нужно понимать именно как утрату мелодической характеристики — ибо отсутствие определённой мелодической характеристики (повышения, или понижения, resp. сложной мелодии: понижения + повышения) для представителя иноязычного мышления оказывается сходным с «ровностью» голосового тона, т. е. с тем, что составляет принципиальную особенность так называемого «первого тона» (в пекинском).

Прежде всего, я считаю нужным, разумеется, откинуть какую-либо необходимость исходить в данном вопросе от графики, т. е. от единицы «письменного слова» в письменном французском языке (такие комплексы, как *je dis, il n'a pas, ma tante* и т. п., будут для меня, бесспорно, едиными словами). Во-вторых, при решении вопроса «что является словом?» считаю возможным применить общий критерий «изолируемости слова»: «Слово — потенциальный *minimum* фразы; т. е. — такой отрезок речи, который может быть изолирован и произносим в этом изолированном виде в качестве единственного состава фразы (напр., в диалоге: при вопросах, переспросах и ответах)». С этой точки зрения я считаю, что франц. *je te le dit* [ʒæt(œ)lədi], *je te l'ai dit* [ʒæt(œ)ledi] и т. п. являются не сочетаниями слов, а едиными словами, поскольку элементы *je, te, le, ai* не могут быть изолированы (т. е. не может быть фразы, состоящей из «*je*») (будет сказано: «*Moi*»), *te* и т. д. И если мне заметят, что последний элемент этих комплексов — *dit* [di] может быть фразой, точнее: является гомонимичным с [di], которое может быть фразой, то это нисколько не препятствует моему утверждению, что *je te le dit* (или *je te l'ai dit*) — это единые слова (а не сочетания двух слов): фраза должна делиться на слова сполна, и если *je te le* (или *je te l'ai*) с данным своим морфологическим значением не являются словом, то <с. 23> и часть *dit* [di] из данных комплексов тоже не будет словом, а будет лишь частью слова; словом же будет только весь данный комплекс полностью.

В-третьих, акцентуационный признак во французском языке именно подтверждает вышеизложенную точку зрения: *je te le dit, je te l'ai dit* произносятся с единым ударением, и именно — согласно закону о конечном ударении во французском слове — на последнем слоге этих комплексов. Отсюда я позволю себе в дальнейшем — в аналогичных комплексах — руководствоваться уже самым акцентуационным признаком: уже на основании ударения я имею, напр., право утверждать, что комплексы *je ne dis pas, je ne te dis pas, je ne te le dis pas* и т. п. будут тоже едиными словами, ибо ударение приходится на их последний слог — *pas*.

Таким образом, по-моему, в значительной мере подлежит пересмотру обычная формулировка, что во французском языке ударение выделяет наиболее важное (почему оно важное? и почему, если оно важное, оно непременно оказывается последним?) слово из группы коротких слов, в которой прочие

слова остаются, таким образом, неударенными. Вместо группы слов в значительном числе случаев нужно говорить просто о слове, которое и ударяется, согласно обычной норме, на своём последнем слоге. Этим я вовсе не хочу устранить вопрос о фразовом ударении во французском языке (которого здесь я не касаюсь), но в отношении словоударения считаю, на основании вышесказанного, возможным и французский язык привести под норму «на одно слово одно ударение».

Однако именно по поводу французского (как с другой стороны и по поводу южнояпонского — с его большим количеством *Neosompositorum*) уместно сказать несколько слов по общему вопросу о возможности расхождения между «акцентуационным словом» и «словом» с точки зрения других критериев (напр., с точки зрения признаков ан- и инлаута, с точки зрения морфологических норм и т. д. (в турецких языках, напр., с точки зрения сингармонизма) и т. д.).

Несмотря на то, что в основе своей закон «на одно слово одно ударение» рассчитывает именно на принципиальное тождество между «акцентуационным словом» (т. е. комплексом, определяемым как слово по акцентуационному моменту и именно на основании наличия одного ударения) и словом с других точек зрения, на практике вполне возможны (а в некоторых языках и особо часты) случаи расхождения этих величин: весьма нередко акцентуационным словом оказывается комплекс, который по всем другим признакам следовало бы квалифицировать как словосочетание. Из японских говоров это явление я отметил во всех говорах, но наиболее частым оно было именно в южнояпонском (нагасакская префектура). Целые придаточные предложения (напр., вроде такого: *karaŋkuninotatemonnogo'to* (= *kara-ŋ-kuni-no-tate|mon-no-goto*) <Китай-GEN-страна-GEN-здание-GEN-дело; под вертикальной чертой в слове *tatemon(o)* ‘здание’ (ср. *tateru* ‘строить’ + *mono* ‘вещь’) подписано пояснение: граница морфем *Compositi*> ‘наподобие здания китайской страны’ — с окситонным музыкальным ударением (...*nogo'to*) потому, что первая морфема — *ka'ra* ‘Китай’ — есть окситонное слово) весьма часто произносятся как одно акцентуационное слово, хотя не теряют возможности (при другом темпе речи) быть разбитыми <с. 25> на два или более акцентуационных слова (напр., *karaŋkuni'no tatemonnogo'to*). Общелингвистическое объяснение этому может быть дано такое: процесс универбации (стяжения в одно слово) словосочетаний из двух и более слов идёт всегда и всюду, т. е. во всех

языках, и диктуется определёнными психологическими моментами (куда относятся 1) семантические условия, позволяющие <= способствующие > психологическому объединению значений данных словосочетаний, и 2) тенденция к экономии языковой энергии). И вот застрельщиком в этом процессе — из числа внешних обнаружений единства этого универбируемого комплекса — является именно акцентуационный момент, тогда как прочие признаки (напр., морфологические) способны эволюционировать гораздо медленнее (напр., для морфологического перехода из древнекитайского словосочетания в современное китайское слово понадобилась коренная перестройка всего семантического строя языка, — как, равным образом, для перехода латинского словосочетания *ille habet* во французское слово *il a* [ila]; и даже для отдельных словарных случаев (напр., рус. *правоучение* ← *право учения*) нужна морфологическая метаморфоза, которая осуществляется значительно более медленным темпом, чем сдвиги акцентуационного порядка «два сло́воударения → одно сло́воударение»).

Остаётся несколько замечаний по поводу турецкого, монгольского и корейского ударений, и именно в связи с остатками (или пережитками «двухполюсности ударений», которую я считаю возможным — в той или иной форме предполагать для «общеалтайского» состояния).

В турецких языках ударение (по крайней мере в большинстве турецких языков) на последнем слоге; но тем не менее в не^{<с. 26>}которых случаях (напр., в *verbum finitum* или в вокативных предложениях) встречается и депласация ударения — на первый слог; напр., в казакском или узбекском глаголе (Praeteritum 3-го л.) *kétti*^{<15>} вместо *kettí* ‘ушёл’ (или — беру наиболее типичную форму узбекского вокативного предложения: префикс *ǰj-*, *ǰǰj*, *-ǰǰj* и т. д. + имя лица: *eǰǰǰqul ǰǰj-eǰǰǰqul* <‘Эшонкул, а Эшонкул!’> (слог *ǰǰj* получает сильнейшее ударение))^{<16>}.

В монгольском, напр. калмыцком, ударение, наоборот, на первом слоге; но в особых случаях (эмфаз^{<17>}, вопрос...) возможна депласация именно на последний слог. А иногда возможно наблюдать и настоящую двухполюсность такого рода: первый слог ударен в силовом отношении, а максимум высоты приходится на последний слог.

И, наконец, в корейском я нахожу явления, наиболее близкие к предполагаемой мною «общеалтайской двухполюсности

ударения»: каждое многосложное слово бывает ударено или на первом, или на последнем слоге в зависимости от своей позиции во фразе: внутри фразы слово имеет конечное ударение, в конце фразы (а также в изолированном (так сказать в «словарном») произношении) — начальное — на первом слоге.

Компаративный вывод, который отсюда, может быть, можно было бы, при желании, сделать — это, что общеалтайское многосложное слово имело два ударения: на первом и на последнем слоге. И в этом своём виде этот вывод, конечно, противоречит принципу «на одно слово одно ударение». Но на самом деле ни один из вышеуказанных фактов живых языков не заставляет предполагать, что некогда действительно произносились оба ударения вместе. Наоборот, современные факты говорят в пользу того, что осуществлялось или начальное, или конечное ударение, т. е. что существовало чередование начального и конечного ударений — наподобие того, как это сейчас имеет место в корейском.

Итак, нет никаких оснований думать, что «общеалтайская двухполюсность» противоречила принципу «на одно слово одно ударение», как нет никаких и оснований утверждать, что современные факты «алтайских» языков противоречат этому принципу.

Установив же, что общей чертой для всех Wortakzent'ных языков служит закон «на одно слово одно ударение», мы стараемся перейти к определению сущности этого закона, иначе говоря — к вопросу о том, в чём состоит функция ударения — и именно словоударения. А. W. de Groot в своём докладе на международной фонологической конференции в Праге 1930 г. говорит по этому <с. 28> общему вопросу о функции ударения следующее (Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 4, Réunion Phonologique Internationale (18–21/XII 1930), Prague, 1931. «Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften», страница 126): «Die Funktion des Wortakzents muss aber in allen Sprachen wohl dieselbe sein, und auf irgendeine Weise mit der Wortbedeutung, mit dem Symbolwert der Wortgestalt, zusammenhängen. Es handelt sich offenbar, wie öfters gesagt wurde, um eine „Gruppenbildung“; diese Tatsache hilft uns aber nicht weiter, wenn nicht gesagt wird, was die Funktion der betreffenden Gruppen ist.

Wenn ich richtig sehe, ist die Funktion der betreffenden Gruppen die Konzentration der Aufmerksamkeit. Die Gestalt einer Silbenreihe, <с. 29> welche Symbolwert hat, ist vorzugsweise eine

solche, dass sie <У Поливанова случайно выпущен фрагмент: unwillkürlich als eine motorisch-akustische Einheit wahrgenommen wird, um auf diese Weise die Aufmerksamkeit> unwillkürlich ein Moment auf den Symbolwert dieser Silbenreihe konzentrieren zu können» <Groot 1931: 126>.

Я вполне согласен с этим определением общей функции Wortakzent'a и ниже хочу только уточнить определение de Groot'a: в каких случаях и для чего по преимуществу нужно обращение внимания на единицу слова.

Несомненно, уделение одного акцента одному слову привлекает внимание к слову как к единице речи, т. е. играет ту же облегчающую роль, что и приём графического раздела (пустот) между письменными словами — в наших европейских и многих других письменностях¹⁶. И вот, поскольку мы не можем не признать полезным (облегчающим процесс чтения и понимания) этот последний — графический — приём, постольку мы можем признать соот^{с. 30}ветствующую же полезность фонационного признака единства слова — в виде единого акцента на одном слове¹⁷. Но так как относительно графического словораздела мы можем, без сомнения, утверждать, что наибольшая полезность этого приёма ощущается начинающими (учащимися) читать, то позволительна подобная же аналогия и в отношении словообозначительной функции акцента. Иначе говоря, я полагаю, что Wortakzent помогает ребёнку, усваивающему родной язык, делить фразу на слова — делить даже в том случае, если некоторые (а может быть, и все) слова в этой фразе ещё неизвестны ему.

И с этой точки зрения более выгодна, конечно, функция турецкого и т. д. акцента, т. е. Wortakzent'a языков с постоянным местом ударения, — в отличие от русского и т. п. Wortakzent'a. Ибо в первом случае акцент не только указывает на число слов ^{с. 31} во фразе, но и на раздел между словами. Во втором же случае — напр., в русском языке — эта последняя функция (указание раздела между словами) уже не может выполняться — поскольку на Wortakzent легла уже новая обязанность: Wortdifferenzierung.

¹⁶ Иногда вместо пустот фигурируют — с той же функцией словораздела — особые знаки: напр., в орхонско-турецкой или в древнеперсидской клинообразной письменности.

¹⁷ Конечно, возможно, что эту роль — в известных языках — будут выполнять, наряду с Wortakzent'ом, и другие фонетические средства: напр., сингармонизм в большинстве турецких языков.

Я считаю возможным подтвердить выше высказанное — относительно полезной функции Wortakzent'a в турецких и т. п. языках — между прочим следующим частным фактом: возможностью депласации акцента в турецком *verbum finitum*, который обычно занимает — согласно норме порядка слов — последнее место во фразе.

Выше мне приходилось уже упоминать, что *verbum finitum* в турецких языках (напр., 3-е л. Praeteriti *ketti* <'ушёл'> в казакском и узбекском языках) может получать начальное (на 1-м слоге) ударение¹⁸ вместо конечного. <с. 32>

Для объяснения позволю себе взять пример фразы (беру из узбекского ташкентского диалекта, хотя исторически правильнее было бы взять из древнетурецкого, но в данном случае это неважно):

ɔtæbugunšæhærgæketti

Расставим акценты (допуская, что *verbum finitum* имеет конечное ударение):

ɔtæbugúnšæhærgáketti

Слыша эту фразу с данными 4 ударениями, ребёнок (даже и не понимающий, допустим, слов) может уже не только сделать вывод, что тут 4 слова, но и провести границы между ними:

ɔtæ bugún šæhærgáketti ('Отец сегодня в город ушёл') <с. 33>

Но нужно ли ему (ребёнку) для решения этой задачи (раздела между словами) наличие на последнем слоге четвёртого, т. е. последнего (принадлежащего последнему слову фразы) ударения? Первые три (в словах *ɔtæ*, *bugún*, *šæhærgáké*) нужны безусловно — именно на данных своих местах; но в последнем слове (*ketti*) конечное ударение вовсе не нужно (именно на последнем слоге: *ti*) для того, чтобы ребёнок узнал, что тут кончается данное слово: он знает про это уже по тому, что тут кончилась фраза (и дальше уже нет ни одного слога). Следовательно, в последнем слоге фразы соблюдение конечного ударения — для данной функции — не нужно. А отсюда открывается позволительность депласации конечного ударения

¹⁸ Сюда не относятся, конечно, такие чередования <с. 32> ударения, как в узб. *bɔrætmæn* / *bɔrætmæn* (Praesens, здесь 1-е л. <'пойду'>) (здесь не первый, а второй слог может быть ударен). Это — явление совсем особое и объясняющееся из истории этих форм (Praesentis): так 1-е л. Praesentis — узб.-ташк. *bɔrætmæn* // неиранизов. узб. *baraman* — происходит из стяжения двух слов: **bar-a* + *men* 'я'; отсюда и 2 возможных акцентуации (*baráman* → ташк. *bɔrætmæn* и *baramán* → ташк. *bɔrætmæn*), т. е. 2 дублета (с некоторым отличием логических их значений).

(на 1-й слог) именно в <с. 34> *verbum finitum* (т. е. *kétti* вместо *ketti*, *bórdi* вместо *bórdí* <‘(он) пошёл’> и т. д., и т. д.), так как согласно нормам турецкого синтаксиса (как, между прочим, и во многих других языках) последняя в фразе позиция типична и характерна именно для *verbum finitum*¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЕ. Из сказанного вытекает, однако, лишь допустимость депласации на некий другой слог, кроме последнего, но не самый факт осуществления депласации и именно на первый слог (ибо в трёхсложных формах *Praeteriti*, напр. *soradı* <‘(он) спросил’>, ударение будет, опять-таки, на первом (если не на последнем) слоге). Но тут нужно указать уже на другие факторы: именно на «общеалтайскую двухполюсность» ударения. Общефонетическим же свойством перенос именно на первый <с. 35> слог считать нельзя. Например, в японском (нагасакском) конечное музыкальное ударение (в окситонных словах) при эмплазе — в *Imperativ*’ах, *Vocativ*’ах... — переносится не на первый, а на последний слог (и можно отчасти мотивировать этот выбор). Если же во французском депласация опять-таки (как и в турецком) происходит на первый слог, то здесь возможно видеть опять-таки сходную историческую причину: может быть, это пережиток древнелатинского начального ударения (именно в факультативно-депласационных случаях и уцелевший до современного французского языка)?

Мне остаётся сказать теперь о языке без *Wortakzent*’а — об эрзя-мордовском языке, ибо я обещал дать гипотезу исторического объяснения этой диковинной особенности.

Начать нужно с указания на наличие поразительных сходств в составе консонантизма и вокализма между эрзя-мордовским и русским. Сходства эти таковы, что случайностью их объяснить невозможно: они в совокупности своей могут быть объяснены только влиянием: или русского на мордовский (и особенно на эрзя-мордовский), или наоборот: мордовского на русский.

Отсюда мы вправе предполагать, что и современная эрзянская акцентуация (без *Wortakzent*’а) выработалась в условиях русского языкового влияния.

¹⁹ Конечно, в связи с этим возможно было бы пролить свет и на соответствующие индоевропейские (праязыковые и более поздние в некоторых языках) факты: ср. безударность ведического *verbum finitum*, акцентуационную особенность др.-греческого *verbum finitum* (— акцент подалеже от конца в пределах *Dreisylbengesetz*’а). Но они требуют, конечно, специального изложения.

Полагаю, что процесс мог быть следующим. <с. 36>

До русского влияния существовала некая система постоянного ударения (вероятно, на 1-м слоге, как в мокша-мордовском, т. е. уже не общефинская акцентуация). Но с появлением русского влияния (и частичной двуязычности) и массы русских заимствований с разнообразными позициями Wortakzent'a возникло противоречие между единообразием исконных своих и многообразием русских акцентуационных явлений. Это противоречие могло быть разрешено трояко:

1) или довлением своей мордовской нормы: постоянного места ударения (как в мокша-мордовском); это могло быть при сравнительно слабом влиянии русского языка (т. е. при таком, какому подвергалась мокша);

2) усвоение русского многообразия и, следовательно, запоминание русских заимствований с их русскими ударениями (в одном определённом слове на 1-м слоге, в другом — на 2-м, в 3-м — на 3-м слоге и т. д.); это могло быть при полной руссизации вглубь эрзянских коллективов (т. е. при их коллективной двуязычности полностью или около того); но до этого дело, по видимому, не доходило;

3) оставался третий путь: синтез. Усвоение допустимости разнообразия ударений, но без запоминания отдельных Wortakzent'ов (т. е. мест ударений) в индивидуальных словах. Это и есть то решение данной задачи, к которому пришёл эрзянский диалект (находившийся в условиях бóльшей, по сравне<с. 37>нию с мокшанским, гибридизации (— русификации), но недостаточно всё-таки охваченный двуязычием для того, чтобы русские Wortakzent'ы индивидуальных слов могли быть усвоены массовым языковым мышлением).

Иначе говоря, благодаря наличию таких, напр., типов русских слов, как *гóнчая* или *но́ги*, *зада́ча* или *нога́*, *голова́* (т. е. на 1-м, на 2-м, на 3-м слоге) массовое эрзянское мышление усвоило допустимость ударения и на первом, и на втором, и на третьем и т. д. слогах, но без принципиальной принадлежности этих различных мест ударения определённым словам, а значит, допустило варианты произношения каждого слова по любому из данных (возможных для данного числа слогов) акцентуационных вариантов: *гóнчая* — *гонча́я* — *гончая́*, *зада́ча* — *за́дача* — *задача́*, *голова́* — *го́лова* — *голова́*²⁰ и т. п. — и то же

²⁰ Напомню кстати, что слог (— русский) в моей «Грамматике русского языка в сопоставлении с узбекским языком» я называю

самое, конечно, в области своих мордовских слов: *álaša*, *aláša*, *alašá* <‘лошадь’>). А с другой стороны, поскольку такое принципиальное допущенное разнообразие означало сведение на нет акцента в качестве словоразличительного принципа, могло (и, как мы сейчас увидим, должно было) быть допущены и безударное произношение любого слова (*álaša*, *álašaftom* <абессив: ‘без лошади’>, *vet't'eme* <абессив: ‘без воды’> и т. п.): надо принять во внимание, что <с. 38> такое безударное произношение является отличным средством фальсификации, т. е. подделки под русскую (и особенно — именно русскую «окающую») речь — для втягиваемого в двуязычие эрзянца. Ровное (безударное) произношение (русских многосложных слов) не кажется неправильным — во всяком случае, относительно, т. е. по сравнению с таким произношением, которое ставило бы ударение не на своём месте (*гонч́ая*, *за́дача*, *голо́ва...*), — для русского (и именно, главным образом, для русского «окающего» слуха): слушая ровное произношение данных слов (*гончая*, *задача*, *голова...*), русское мышление слышит, т. е. воспринимает, или иллюзирует себе ту их акцентуацию, которая для данного (— русского) языкового сознания оказывается привычной, т. е. естественной, а потому и ожидаемой.

В итоге получилось полное освобождение характеристики слова от признака Wortakzent'a, и тем самым силовое ударение было предоставлено для фразово-акцентуационных функций²¹.

<с. 39>

Как используются эти, освобождённые от роли Wortakzent'a, фонетические средства на службе фразовой акцентуации — как и в каких условиях употребляется «ровное» (без ударения) произношение слогосочетания и сменяющая его — особенно в длинных отрезках речи — ритмическая акцентуация фраз (— в виде правильного чередования двусложных, трёхсложных, четырёхсложных и т. п. стоп: хорей или ямба, дактиля или анапеста²² и т. д., и т. д.)? — на эти вопросы²³ мне

«потенциальным носителем ударения»^{<18>} (это не утрачивает значения и для эрзянского, где только ударение — фразовое).

²¹ При чём для функций фразовой акцентуации (хотя уже и несколько иных) продолжала служить и мелодика (интонация).

²² <Текста сноски нет.>

²³ Как и на вопросы об увязке экспираторно-силовых моментов данного фразового ударения с музыкальными (напр., в какой мере ритмическое фразовое ударение сопровождается повышением голосового тона?).

здесь нет надобности давать ответы: они относятся к статическому описанию эрзянских явлений фразовой мелодии, а я говорю в настоящем случае (в данной статье) о Wortakzent'е. И потому единственное, что необходимо отметить относительно указанных явлений (— ритмической акцентуации и «ровного» произношения), это то, что они ни в коей мере не связаны с фонетическим представлением слова, т. е. не относятся к Wortakzent'у. Действительно, факты ритмической акцентуации фразы таковы, что отнюдь не обнаруживают принципа «на одно слово одно ударение». Наоборот, при определённом (напр., анапестическом или дактилическом, а тем более четырёхсложном) ритме (а всякая фраза может быть произнесена по любому из этих ритмов) весьма часто слово (двухсложное, напр.) оказы_{с. 40}вается вовсе не имеющим ударенного (в смысле фразовой акцентуации, конечно) слога; и ещё чаще, конечно, наблюдаются случаи, когда одно (трёхсложное²⁴, resp. четырёх-

²⁴ Двусложное же слово (при ритмической акцентуации фразы) не может, конечно, иметь двух ударений: они пришлись бы на рядом стоящие (смежные) слоги, а это противоречит тому закону эрзянской фразовой акцентуации, о котором я уже упоминал выше (— в связи с примером *ávaj ávaj, aváj aváj, ávaj aváj* (но не **aváj ávaj!*)). Как сам этот закон (о недопустимости двух смежных ударений), так и общий принцип ритмичности акцентов могут, по моему мнению, найти известную исходную мотивировку в физиологических предпосылках речи, обуславливающих известную экономию (или нормировку) силы выдыха (а следовательно, и голосового тона) в пределах короткого — в частности, двусложного — слогакомплекса («если один из двух смежных слогов отличается силой выдыха, то другой из них будет менее сильным — согласно тенденции к экономии произносительной энергии и выдыхаемого воздуха»). Но, конечно, это только исходный пункт в мотивировке наличных фактов; конкретное же объ_{с. 41}яснение того, почему однажды избрана была одна ритмическая акцентуация фразы (напр., ямбическая), а в другой раз — и может быть для той же самой фразы — другая ритмическая акцентуация (напр., дактилическая или т. п.)? — представляет для нас вполне ещё не разрешённую проблему. Можно только привести аналогию, иллюстрирующую трудность (сложность) решения подобных вопросов: как мотивировать то, что я (или другой русский, допустим, индивидуум) начал произношение данной своей фразы (в определённый календарный момент) с данной именно высоты голосового тона (— разумеется, в пределах регистра, которым обладает голос данного индивидуума), напр. с *re* малой октавы? Ответ на подобный вопрос (— вопрос в отношении русского индивидуума) представляет, конечно,

пяти-, шестисложное и т. д.) слово включает, в данном своём произношении (т. е. в результате определённого ритма ударений) два и более ударений (в трёхсложном и четырёхсложном словах возможно, разумеется, совмещение лишь двух таких ударений, в пятисложном же возможно совмещение двух или трёх ударений, в шестисложных — тоже, т. е. *maximum* трёх ударений и т. д.).

значительную сложность для лингвиста, ибо в ответе на него неизбежно пришлось бы руководиться не одними лишь словарно-семантическими данными (— наличием определённых слов и определённого логического содержания фразы), но также — и даже главным образом — фактами совершенно иного — физиологического (в широком смысле, или физиологически-психологического) — порядка (относившимися притом к данному календарному моменту).

<Пояснение Поливанова:> Отсюда до конца лучше пропустить. Это неофициальные соображения. *Intime*.

Но можно думать, что для некоторого другого языка (напр., языка ботокудов, притом ботокудов нецивилизованных — см. выше) ответ на подобный вопрос (— «почему данная фраза, произнесённая в известный календарный момент — т. е. при определённой социальной и психологической ситуации — начата была с данной именно высоты голосового тона?») был бы несколько менее сложен, т. е. содержал бы, в числе подлежащих учёту факторов, больше «лингвистических» или «лингвистически данных» моментов: вспомним выше говорившееся о «диалогической мелодике» ботокудов, согласно которой ответ (и именно начало ответной фразы) <с. 42> характеризуется определённым интервалом (квинтой) по отношению к голосовому тону конца вопросной фразы. (Основываюсь на сообщениях, проверенных (в Южной Америке) Г. Г. Манизером⁴). Само собою разумеется, что ботокудский пример нужен мне здесь лишь в качестве звена общей аналогии.) И вот можно допустить, что между эрзянцем в отношении первого и русским в отношении второго из вышепоставленных вопросов (— 1) «почему данная фраза была произнесена эрзянцем с данным ритмом, то есть распределением ударений, напр. ямбическим?», 2) «почему данная фраза была начата русским с определённой ноты, напр. *re* малой октавы?») будет такое же, приблизительно, соотношение, как между русским и ботокудом в отношении второго из этих вопросов: для русского распределение ударений в конкретной фразе — «лингвистически дано» (ибо зависит от составляющих эту фразу слов), для эрзянца же — наоборот, зависит от привходящих условий; равным образом и для ботокуда голосовой тон начала — ответной, допустим — фразы тоже «лингвистически дан» (поскольку он определяется квинтой по отношению к вопросной фразе); наоборот, для русского этот вопрос решается главным образом на основании «привходящих моментов» данного случая говорения.

Итак, феноменальный эрзя-мордовский случай — случай языковой системы без Wortakzent'a, который действительно оказывается (единственным мне известным) исключением из вышерассматривавшейся общей нормы «на одно слово одно ударение», исторически объясняется, согласно моей гипотезе, как синтез двух противоположных акцентуационных систем, вступивших в скрещение благодаря гибридизации. <с. 41>

<Пояснение Поливанова:> Это примечание (до конца) тоже лучше (как на Ваш взгляд?) пропустить. Это тоже Intime, т. е. для Вас (С<ергей> К<арцевский>) и Р<омана> Я<кобсона>. Гипотеза не пояснена.

ПРИМЕЧАНИЕ. Насколько можно считать существующее в эрзя-мордовском положении («свободную фразовую акцентуацию» — без Wortakzent'a) исторически-устойчивым? На этот вопрос я не решусь дать никакого ответа (ибо общеподобные соображения, основанные на исключительности этого явления (— по сравнению с прочими языками), хотя и говорят в пользу предположительной (!) исторической неустойчивости, никоим образом не являются вескими доводами). Во всяком случае, можно указать, что поскольку историческая причина, вызывавшая это исключительное состояние (а таковой причиной я считаю симбиоз <с. 42> и гибридизацию эрзянского и русского коллективов), не исчезла и не подверглась в достаточной мере качественной метаморфозе, есть априорные основания думать о продолжении влияния этой причины (т. е. о том, что соприкосновение с русским языком, если оно продолжает носить те же размеры, будет содей<с. 43>ствовать консервации «свободного фразового ударения»). Однако, поскольку допустимо предположить элиминацию этого фактора, я позволил бы себе высказать гипотезу, что эрзянское «свободное фразовое ударение» эволюционирует в одну из «нормальных» акцентуационных систем, и именно — систему постоянного силового словоударения на предпоследнем слоге (основания, по которым я склонен высказать именно эту гипотезу, здесь не оговариваются). Будущее покажет (если эрзянский язык к тому времени не исчезнет или если вообще окажется возможным сдвиг с «мёртвой точки» свободного фразового ударения), в какой мере основательна эта гипотеза, которую я позволяю себе высказать здесь в качестве известного прогноза акцентуационной эволюции.

<Пояснение Поливанова внизу с. 42:> NB Конец подстрочного примечания (со стр. 41) и сверху — 41 стр. след. до конца («Приме-

чание» не подстрочное) я считаю лучшим пропустить: это легковесно (особенно конец подстрочного примечания), а прогноз (→ предпоследний слог, постоянное ударение) без пояснений. Потому предоставляю Вашему усмотрению, вообще писал это всё я главным образом в расчёте на двух читателей: Вас и Р<омана> Я<кобсона>. Если же не поздно сделать какое-либо употребление из этих разрозненных общих мыслей об ударении, то, может быть, Вы будете добры и найдёте возможность сделать с этим что-либо на Конгрессе. Кроме того (это уже совсем особое дело), если бы кто из издателей взял (без гонорара — это всё равно) книжку об акценте (в разных языках, с общefonетической точки зрения), я бы с удовольствием такую книжку (листов на 9) написал бы на французском языке в быстрое, очень быстрое время.

<Вверху с. 43 пояснение:> последняя — необязательная страница.

Е. Поливанов

Адрес: Самарканд, Ходжа-Ахрарская часть,
Ляб-и-гор 59. Проф-ру Евг. Дмитр. Поливанову
(سمرقند لب غار 59)

Или: Самарканд, Гос. Банк. Преподавателю
узбекского языка профессору Е. Д. Поливанову

(سمرقند دولت بانکه سی)
ئوز بېك تېلېنڭ مۇعه للمى گه
(پالوان ئوغلى غا)

Комментарии

- <1> Сочетание «фон. символ» встречается в статье только с сокращением первого слова, которое поэтому трудно однозначно раскрыть (фонологический или фонетический?).
- <2> В работах об ударении Поливанов часто использует немецкую терминологию (или дублирует её русскую), следуя Г. Хирту, чью книгу «Der indogermanische Akzent» он включил в список литературы к своей статье «Акцентуация», опубликованной в «Литературной энциклопедии» (Поливанов 1929/1991: 331), ср.: «Unter dem Namen 'Akzent' oder 'Betonung' fasst die Wissenschaft die verschiedensten Arten von Abstufung der Sprache nach Höhe und Stärke zusammen, und je nachdem wir einen Teil oder das ganze der Rede vor uns haben, sprechen wir von Silben-, Wort- und Satz akzent» (Hirt 1895: 8). Необходимость различения просодических средств в зависимости от оформляемых ими языковых единиц систематически подчёркивалась Поливановым, ср.: «В системах муз. ударения следует различать системы «музыкального слогаударения» (Musikalischer Silbenakzent) и «музыкального словоударения» (Musikalischer Wortakzent)» (Поливанов 1928: 118); см. также ниже в данной статье.

- <3> Ср.: «Признак ударения ассоциируется у нас весьма часто как со словоразличениями семасиологического, так и особенно морфологического порядка... Иначе говоря, в русском языке ударение не только семасиологизуется (*росá* — *ра́са*), но и морфологизуется, играя существенную роль в общей морфологической системе» (Поливанов 1935–37/1991: 330).
- <4> Основным источником сведений по ботокудскому языку для Поливанова служили экспедиционные материалы Г. Г. Манизера, также учившегося у Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы (Шпринцин 1961: 101) и, по-видимому, лично знакомого Поливанову: в своих работах он приводит некоторые факты, не нашедшие отражения в немногочисленных публикациях, которые Манизер успел издать при жизни — см. Манизер 1916: 126ff; 1918: 336ff; ср. Поливанов 1916/1968: 297; 1928: 151, 215; 1929/1991: 552; в полном объёме письма и дневник Манизера опубликованы Е. С. Соболевой (2016).
- <5> В работах Поливанова не удалось найти сведений о его точке зрения на этимологию вопросительных форм глагола в рюкюском.
- <6> Имеется в виду грамматика, готовившаяся Поливановым совместно с А. П. Рябовым (1894–1938) — одним из ведущих деятелей языкового строительства в Мордовии (см. (Кистанова 1994)). До наших дней дошли лишь два фрагмента этой работы (оба в фонде Р. О. Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге): «Две главы из систематической описательной грамматики эрзянского языка (по говору деревни Лобаски Нижегородской губернии и Кученяевскому говору)» (папка 2, не публиковалась; именно здесь приводимый Поливановым пример *avaj avaj*) и «Историческая мотивировка своеобразной акцентуации эрзя-мордовского языка» (папка 7, опубликована Т. А. Исаевой: (Поливанов 1967)).
- <7> Обычно в своих работах Поливанов пользуется «„учёной“, грецизирующей орфографией» (Поливанов 1991: 427) и пишет «Sylbe», собственно немецкое написание *Silbe* встречается лишь в данном месте публикуемого текста.
- <8> Ср. рецензию Поливанова на книгу Р. О. Якобсона (Поливанов 1932/1968: 140–141).
- <9> Одной точкой Поливанов обозначает комбинаторную долготу — см. (Поливанов 1928: 202).
- <10> Вотским Поливанов называет удмуртский язык (от старого названия удмуртов — вотяки) (Поливанов 1928: 169).
- <11> В обозначении аффрикат Поливанов следует предложенной Л. В. Щербой версии МФА: «*c* — я присваиваю значение обыкновенного русского *ц* или немецкого *z*; *z* — соответствующий звонкий, который до сих пор обозначали через *dz*» (Щерба 1911: 174; Поливанов 1928: 182).
- <12> В изданиях работ Поливанова обозначение японского дорсального глухого щелевого не всегда последовательно. В соответствии

с принятой Поливановым системой Щербы (и начертанием в публикуемой рукописи) диакритический знак должен быть вертикальным («*ṣ ẓ* (знак обязательно отвесный и над буквой) — дорсальные *ш* и *ж*, которые могут быть твёрдыми и мягкими» (Щерба 1911: 173; Поливанов 1928: 180)), справа к нему может добавляться знак палатализации — минута (') или апостроф ('). Однако сам Поливанов допускал использование и более привычного знака *ṣ* — см. (Поливанов 1914: 175) и др.

<13> Подробнее о таких редуцированных японских ономастопэтиках см. (Поливанов 1916/1968: 300–302).

<14> Ср.: «Мы будем называть оттенки гласных, осуществляемые при обычном произношении в неударенных слогах, по отношению к имеющимся при этом в намерении представлениям звуков, т. е. к фонемам, — субститутами этих фонем. Таким образом, в слове *голова* первый и второй гласные являются субститутами фонемы [а]» (Поливанов 1923: 64–64); «Громадное количество вариантов, причисляемых нами к комбинаторным, является, в сущности, факультативно-комбинаторными (или комбинаторно-факультативными): это значит, что при известном темпе и характере произношения (медленном и отчетливом) данный комбинаторный вариант может и отсутствовать (т. е. заменяться идеальным осуществлением произносительного намерения: типовым вариантом данной фонемы)» (Поливанов 1928: 218).

<15> В рукописи имеются варианты написания данной словоформы — с конченным *ι* или *i*; при публикации они унифицированы, основываясь на «Краткой грамматике узбекского языка» Поливанова (1926–II: 6–14). Ср. также: «Звукопредставление *ι...* в большинстве случаев осуществляется как открытое *i* („и“), или звук средний между „и“ и „ы“, но более близкий к „и“» (Поливанов 1926–I: 41).

<16> В других работах Поливанов также обращал внимание на подобный перенос ударения, правда в пределах слова, а не на предшествующее междометие (Поливанов 1927/1968: 158–159; 1928: 116).

<17> Поливанов в своих работах последовательно употребляет этот термин в мужском роде вместо более привычного «эмфаза» (Поливанов 1928: 132, 133; Поливанов 1935–37/1991: 453, 454).

<18> Во время написания статьи грамматика ещё не была опубликована, она вышла через два года — см. (Поливанов 1933: 19).

Литература

- Chamberlain, B. H. 1895: *Essay in aid of a grammar and dictionary of the Luchuan language*. Tōkyō. (Transactions of the Asiatic Society of Japan. XXIII. Supplement.)
- Dandová, M. 1995: *Roman Osipovič Jakobson (1896–1982): Soupis osobního fondu / Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze*. Praha.

- Groot, A. W. de 1931: Phonologie und Phonetik als Funktionswissenschaften. In: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 4. Réunion Phonologique Internationale (18–21/XII 1930). Prague, 116–147.
- Hirt, H. 1895: *Der indogermanische Akzent*. Strassburg.
- Jakobson, R. 1929/2002: Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929. (Travaux du Cercle Linguistique de Prague 2.) (= R. Jakobson. Selected writings. Vol. I: Phonological studies. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002, 7–116.)
- Kistanova, T. V. 1994 (coll.): *Anatolij Pavlovich Ryabov (1894–1938): Bibliograficheskiy ukazatel' [Anatolij Pavlovich Ryabov (1894–1938): Bibliographic index]*. Saransk.
- Кистанова, Т. В. 1994 (сост.): *Анатолий Павлович Рябов (1894–1938): Библиографический указатель*. Саранск.
- Leont'ev, A. A. 1971: [Unpublished papers by E. D. Polivanov on general phonetics and phonology]. In: Leont'ev A. A. & Samujlova N. I. (eds). *Teoreticheskie problemy fonetiki i obuchenie proiznosheniyu [Theoretical problems of phonetics and pronunciation training]*. Moscow: Moscow University Press, 188, 231–232.
- Леонтьев, А. А. 1971: Неизданные работы Е. Д. Поливанова по общей фонетике и фонологии. В сб.: Леонтьев А. А., Самуйлова Н. И. (ред.). *Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению*. Москва: Издательство Московского университета, 188, 231–232.
- Manizer, G. G. 1916: [The Aimoré according to observations during our stay among them in 1915]. In: *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshhestva pri imperatorskom Petrogradskom universitete [The Yearbook of the Russian Anthropological Society at Imperial Petrograd University]* VI, 83–130.
- Манизер, Г. Г. 1916: Ботокуды (борун[ы]) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г. В сб.: *Ежегодник Русского антропологического общества при императорском Петроградском университете* VI, 83–130.
- Manizer, G. G. 1918: [Music and musical instruments of some tribes of Brazil (1. Kadiweu. 2. Terena. 3. Faya. 4. Kaingang. 5. Guarani. 6. Aimoré)]. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of articles of the Museum of Anthropology and Ethnography]* V/1, 319–350.
- Манизер, Г. Г. 1918: Музыка и музыкальные инструменты некоторых племён Бразилии (1. Кадиувео. 2. Терено. 3. Файя. 4. Каинганг. 5. Гуарани. 6. Ботокудо). В сб.: *Сборник Музея антропологии и этнографии* V/1, 319–350.
- Polivanov, E. D. 1914: [Comparative phonetic outline of the Japanese and Ryukyuan languages]. In: *Zapiski vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arxeologicheskogo obshhestva [Proceeding of the*

- Oriental Studies Department of the Imperial Russian Archaeological Society*] XXII/I–II, 173–190.
- Поливанов, Е. Д. 1914: Сравнительно-фонетический очерк японского и рюкюского языков. В сб.: *Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества* XXII/I–II, 173–190.
- Polivanov, E. D. 1916/1968: [About the “sound gestures” of the Japanese language]. In: *Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka [Collections of articles on the theory of poetic language]* 1. Petrograd, 31–41. (Reprinted in: *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka [Poetics. Collections of articles on the theory of poetic language]*. Petrograd, 1919, 27–36; quoted from: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Stat'i po obshchemu yazykoznaniiu [Selected writings. Articles on general linguistics]*. Moscow: Nauka, 1968, 295–305.)
- Поливанов, Е. Д. 1916/1968: По поводу «звуковых жестов» японского языка. В сб.: *Сборники по теории поэтического языка* 1, 31–41. (Перепечатано в: *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка*. Петроград, 1919, 27–36; цит. по: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Статьи по общему языкознанию*. Москва: Наука, 1968, 295–305.)
- Polivanov, E. D. 1926: *Kratkaya grammatika uzbekskogo yazyka [Short grammar of the Uzbek language]*. Part I–II. Tashkent; Moscow.
- Поливанов 1926 — Е. Д. Поливанов. *Краткая грамматика узбекского языка*. Ч. I–II. Ташкент; Москва.
- Polivanov, E. D. 1927/1968: [On the question of the kinship relations of the Korean and “Altaic” languages]. In: *Izvestiya Akademii nauk SSSR [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]*. Seriya VI. XXI/15–17, 1195–1204. (Quoted from: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Stat'i po obshchemu yazykoznaniiu [Selected writings. Articles on general linguistics]*. Moscow: Nauka, 1968, 156–164.)
- Поливанов, Е. Д. 1927/1968: К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков. В сб.: *Известия Академии наук СССР*. Серия VI. XXI/15–17, 1195–1204. (Цит. по: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Статьи по общему языкознанию*. Москва: Наука, 1968, 156–164.)
- Polivanov, E. D. 1928: *Vvedenie v yazykoznanie dlya vostokovednykh vuzov [Introduction to Linguistics for oriental universities]*. Leningrad. (Republication: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniiu [Selected writings. Works on oriental and general linguistics]*. Moscow: Nauka, 1991, 9–235.)
- Поливанов, Е. Д. 1928: *Введение в языкознание для востоковедных вузов*. Ленинград. (Переиздание: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва: Наука, 1991, 9–235.)
- Polivanov, E. D. 1929/1991: [Program and methodological insight]. In: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu*

- i obshchemu yazykoznaniiu* [Selected writings. Works on oriental and general linguistics]. Moscow: Nauka, 1991, 552–561.
- Поливанов, 1929/1991: [Программно-методологический курс]. В сб.: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва: Наука, 1991, 552–561.
- Polivanov, E. D. 1929/1991: Accentuation. In: *Literaturnaya entsiklopediya* [Encyclopedia of literature]. Vol. 1. Moscow, 1929, 85–88. (Quoted from: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniiu* [Selected writings. Works on oriental and general linguistics]. Moscow: Nauka, 1991, 328–331.)
- Поливанов, Е. Д. 1929/1991: Акцентуация. В кн.: *Литературная энциклопедия*. Т. 1. М., 1929. Стб. 85–88. (Переиздание: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию*. М., 1991. С. 328–331.)
- Polivanov, E. D. 1932/1968: [Review of the book:] R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Travaux du Cercle Linguistique de Prague. I <= 2>. Prague, 1929. 118 p. In: *Slavia* XI/1, 141–146. (Quoted from: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Stat'i po obshchemu yazykoznaniiu* [Selected writings. Articles on general linguistics]. Moscow: Nauka, 1968, 135–142.)
- Поливанов, Е. Д. 1932/1968: [Рец. на кн.:] R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Travaux du Cercle Linguistique de Prague. I <= 2>. Prague, 1929. 118 p. В сб.: *Slavia* XI/1, 141–146. (Цит. по: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Статьи по общему языкознанию*. Москва: Наука, 1968, 135–142.)
- Polivanov, E. D. 1933: *Russkaya grammatika v sopostavlenii s uzbekskim yazykom* [Russian grammar in comparison with the Uzbek language]. Tashkent.
- Поливанов, Е. Д. 1933: *Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком*. Ташкент.
- Polivanov, E. D. 1935–37/1991: [Explanatory terminological dictionary of Linguistics]. In: E. D. Polivanov. *Izbrannye raboty. Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniiu* [Selected writings. Works on oriental and general linguistics]. Moscow: Nauka, 1991, 318–506.
- Поливанов, Е. Д. 1935–37/1991: Толковый терминологический словарь по лингвистике. В сб.: Е. Д. Поливанов. *Избранные работы. Труды по восточному и общему языкознанию*. Москва: Наука, 1991, 318–506.
- Polivanov, E. 1936: Zur Frage der Betonungsfunktionen. In: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 6. Prague, 75–81.
- Polivanov, E. D. 1936/1971: [On the question of stress functions]. Leont'ev A. A. & Samujlova N. I. (eds). *Teoreticheskie problemy fonetiki i obuchenie proiznosheniiu* [Theoretical problems of phonetics and

- pronunciation training*]. Moscow: Moscow University Press, 1971, 189–197.
- Поливанов, Е. Д. 1936/1971: К вопросу о функциях ударения. В сб.: Леонтьев А. А., Самуйлова Н. И. (ред.). *Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению*. Москва: Издательство Московского университета, 1991, 189–197.
- Polivanov, E. D. 1967: [Historical motivation of the peculiar accentuation of the Erzya-Mordovian language]. In: Kalinin I. A. (ed.). *Voprosy yazyka i stilya* [Language and style issues]. Gor'kij, 181–183. (Gor'kovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut im. M. Gor'kogo. Uchenye zapiski. Seriya filologicheskikh nauk [Gorky State Pedagogical Institute named after M. Gorky. Proceedings. Philological Sciences Series] 68.)
- Поливанов, Е. Д. 1967: Историческая мотивировка своеобразной акцентуации эрзя-мордовского языка. В сб.: Калинин И. А. (ред.). *Вопросы языка и стиля*. Горький, 181–183. (Горьковский государственный педагогический институт им. М. Горького. Учёные записки. Серия филологических наук 68.)
- Proceedings... 1933: Proceedings of the International congress of phonetic sciences. First meeting of the Internationale Arbeitsgemeinschaft für Phonologie, Amsterdam, 3–8 July 1932. In: *Archives néerlandaises de phonétique expérimentale*. VIII–IX, 92–312.
- Shprincin, N. G. 1961: [From materials on the Aimoré language]. In: *Voprosy yazykoznanija* [Issues in Linguistics] 6, 101–107.
- Шпринцин, Н. Г. 1961: Из материалов по языку ботокудов. В сб.: *Вопросы языкознания*. 6, 101–107.
- Soboleva, E. S. 2016: *G. G. Manizer — uchastnik vtoroj russkoj ekspedicii v Yuzhnyu Ameriku 1914–1915 gg.: Brazil'skij dnevnik* [G. G. Manizer as a participant of the second Russian expedition to South America 1914–1915: Brazilian Diary]. Saint Petersburg.
- Соболева, Е. С. 2016: *Г. Г. Манизер — участник второй русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг.*: Бразильский дневник. Санкт-Петербург.